

I
ВЕДЬМОВСКОЙ
СОЮЗ

И подобен был муж тот черной скале,
хладной зело.

Изобел Гоудц, 1662 г.

И, изреча наставления свои, сошел
Диавол с возвышения, и принудил чело-
вещев лобызать уши Его, бывшие, по сло-
вам их, хладными, как льдины, а тело
было твердым, как железо, когда при-
падали к нему.

Агнес Сэмпсон, 1590 г.

— Ах да, — сказала Джейн Смарт в своей торопли-
вой, однако решительной манере: каждое ее «с-с»
производило эффект обугленного кончика только
что погасшей спички, прижатого к коже. Так дети,
шаля, прижигают друг друга. — С-сьюки сказала,
что какой-то мужчина купил имение Ленокс-сов.

— Мужчина? — переспросила Александра Споф-
форд, испытав странное ощущение неустойчиво-
сти — недвусмысленно произнесенное слово поко-
лебало ее мирную в то утро ауру.

— Из Нью-Йорка, — поспешила добавить Джейн,
почти пролаяв последний слог и по-массачусетски
проглотив «р». — Судя по всему, у него — ни жены,
ни родственников.

— Ах, один из этих.

Северный акцент Джейн напомнил Александре
о ходивших слухах, будто с Манхэттена к ним на-
грянул какой-то гомосексуалист, и она замерла на

месте, словно рассеченная надвое, там, где стояла, — посреди таинственного, непостижимого штата Род-Айленд. Она родилась на западе, где белые и лиловые горы вздымаются в небо в вечной погоне за нежными высокими облаками, а шары перекапти-поля несутся по равнине в вечной погоне за горизонтом.

— Сьюки в этом вовсе не уверена, — небрежно возразила Джейн, несколько приглушив свои «с». — На вид он весьма мужествен. Ее поразило, какие волосатые у него руки. В агентстве недвижимости Перли он заявил, что будет использовать всю площадь, поскольку является изобретателем и нуждается в лаборатории. И у него несколько роялей.

Александра хмыкнула; ее голос, мало изменившийся со времен колорадского детства, словно бы исходил из горла птички, привычно примостившейся у нее на плече. Телефонная трубка до боли натерла ей ухо, а рука затекла и, казалось, вот-вот онемееет.

— Сколько же роялей может быть нужно мужчине?

Вопрос, похоже, обидел Джейн. Ее голос вздыбился, как шерсть на спине у разъяренного черного кота, и стал переливчатым.

— Ну, Сьюки передает лишь то, что рассказала ей Мардж Перли вчера вечером на заседании комитета лошадиной поилки, — ершисто пояснила она.

Этот комитет отвечал за сооружение и — после актов вандализма — восстановление огромной лошадиной поилки из голубого мрамора, которая исторически находилась в центре Иствика, где перекрещивались две главные улицы; план города напоминал букву «L», прилегающую коротким концом к заливу Наррагансет. На Док-стрит сосредото-

точивался городской бизнес, пересекающая ее под прямым углом Оук-стрит приютила очаровательные старинные жилые дома. Мардж Перли, чьи отвратительные канареечно-желтые таблички «Продается» скакали вверх-вниз по деревьям и заборам, словно по приливному волнам экономики и моды, в соответствии с наплывом и откатом жителей (уже несколько десятилетий Иствик слыл отчасти упадочным — отчасти модным городом), — была грузной предприимчивой женщиной, и если являлась ведьмой, то работала совсем на иной частоте — не на той, на которую были настроены Джейн, Александра и Сьюки. У нее был муж, крохотный суетливый Хоумер Перли, вечно подстригавший их живую олеандровую изгородь чуть ли не до состояния стерни, а это уже совсем другое дело.

— Документы посланы в Провиденс, — объяснила Джейн, вонзив свое «нс» прямо в ухо Александре.

— Волосатые руки, — задумчиво повторила Александра. Перед глазами у нее маячила немного поцарапанная, испещренная пятнышками и много раз крашенная чернота деревянной дверцы кухонного шкафа. Александра знала, какое буйство атомов, скользящих и завихряющихся, напоминающее кружение бликов перед усталым взором, царит под такой поверхностью. Словно в хрустальном шаре, она прозрела будущее: ей предстоит познакомиться с этим мужчиной и влюбиться в него, но ничего хорошего из этого не выйдет. — А имя у него есть? — спросила Александра.

— Да в том-то и глупость, — ответила Джейн Сمارт, — Мардж назвала его Сьюки, а та — мне, но что-то спугнуло его и стерло из моей памяти. У него одна из тех фамилий, которые имеют приставку то ли «ван», то ли «фон», то ли «де».

— Как шикарно, — заметила Александра, уже начиная расти и распространяться в ожидании предстоящего вторжения. Высокий смуглый европеец, лишенный своего древнего геральдического наследия, обреченный проклятием на скитания... — Когда он предполагает въехать?

— Она сказала, что скоро. Возможно, уже въехал! — В голосе Джейн послышалась тревога.

Александра представила, как слишком, пожалуй, густые для такого худого лица брови подруги выгибаются дугами над темными обиженно глядящими глазами, коричневый цвет которых всегда оказывался на деле чуть светлее, чем помнилось. Если Александра являла собой тип крупной, меланхоличной ведьмы, всегда растягивающейся в тонкую плоскость, чтобы создать нужное настроение и слиться с ландшафтом, в душе довольно ленивой и по сути холодной, то Джейн была горячей, быстрой, целенаправленной, как остро заточенный карандаш; сущность же Сюки Ружмонт, вечно занятой, неустанно собирающей городские новости, направо и налево расточающей улыбки и приветствия, казалась неопределенной, переменчивой, непостоянной. Об этом думала Александра, кладя трубку на рычаг. Все распадается на триады. И чудеса случаются вокруг нас по мере того, как природа ищет и обретает неотвратимые формы; кристаллические и органические объекты совмещаются под углом в шестьдесят градусов, поскольку равносторонний треугольник — отец любой структуры.

Она снова принялась расставлять банки мейсоновского соуса для спагетти — для такого количества соуса спагетти понадобилось бы больше, чем она и ее дети могли съесть, даже окажись они заколдованы на сто лет пребывания в итальянской

волшебной сказке: ряды дымящихся банок гро-
моздились на дрожащей и поющей проволочной
решетке над голубым в белую крапинку паровым
котлом. Это было, как Александра смутно сознава-
ла, своего рода забавной данью ее нынешнему лю-
бовнику — сантехнику итальянского происхожде-
ния. Рецепт исключал лук. Два зубочка измельчен-
ного чеснока следовало поджарить в течение трех
минут (не более — не менее, в этом состояло таин-
ство) в разогретом масле, добавить побольше са-
хара, чтобы нейтрализовать кислоту, одну натер-
тую морковь, много перца, потом — соль; но что
придавало соусу возбуждающую силу, так это чай-
ная ложка истолченного базилика и щепотка бел-
ладонны, способствующей высвобождению энер-
гии, без чего результатом концентрации мужской
силы был бы просто убийственный прилив крови.
Все это следовало добавить к ее собственноручно
выращенным томатам, которые заполонили все по-
доконники в доме, несмотря на то что за минув-
шие несколько недель Александра постоянно реза-
ла их и тушила для соуса. С тех пор как два года на-
зад Джо Марино стал навещать ее ложе, какое-то
абсурдное плодородие обуяло привязанные к ко-
лышкам растения, высаженные на прилегающем
к дому сбоку огороде. В течение всего долгого дня
огород освещало с юго-запада солнце, косые лучи
которого проникали сквозь ровный ряд ив. Скрю-
ченные маленькие помидорные веточки, мясистые
и бледные, словно сделанные из дешевой зеленой
бумаги, обламывались под тяжестью невысказанно-
го количества плодов; в такой изобилии было не-
кое безумие, истерика, подобная тем, что устраи-
вают порой дети, капризно требующие лакомства.
Сорванные плоды казались живыми существами:

страстными, хрупкими и предрасположенными к гниению. Когда Александра брала в руки водянистые оранжево-красные шары, она представляла, что сжимает гигантскую мошонку своего любовника. Во всем этом, пока Александра трудилась на кухне, ей чудилось нечто печально-менструальное: кроваво-красный соус, предназначенный для белых спагетти. Толстые белые трубочки превращались в ее воображении в полоски собственного бледного жира. Ах, эта извечная женская борьба с весом: в своем тридцативосьмилетнем возрасте Александра находила ее все более неестественной. Неужели, чтобы приманить любовь, нужно умерщвлять собственную плоть подобно древнему святому-неврастенику? Естественность есть показатель и контекст всего здорового, так что, если разыгрывается аппетит, его нужно удовлетворять, следуя законам космического порядка. Тем не менее иногда Александра презирала себя за леность, выразившуюся в том, что она завела любовника, принадлежащего к нации, известной своей терпимостью к полноте.

Любовниками Александры в последние годы, после развода, чаще всего были бездомные мужья, отбившиеся от жен, которым до того принадлежали. Ее собственный бывший муж, Освальд Споффорд, покоился высоко на кухонной полке, в банке с плотно завинченной крышкой, в виде многоцветного праха. В прах превратила его Александра, когда ее могущество развернулось в полную мощь после их переезда в Иствик из Нориджа, штат Коннектикут. Оззи знал все о хrome и перешел с завода сантехники, находившегося в этом холмистом городе с избытком островерхих белых церквей, к конкуренту своего хозяина, на завод шлакобетонных блоков, растянувшийся на полмили к югу от

Провиденса посреди причудливых промышленных пустырей этого небольшого штата. Переехали они семь лет назад. Здесь, в Род-Айленде, сила стала расти и заполнять Александру, словно газ — безвоздушное пространство, и, пока ее дорогой Оззи ежедневно мотался своим обычным маршрутом на работу и обратно по шоссе № 4, она сократила его сначала до размеров обычного мужчины, с которого тут же спала, растворившись в соленом воздухе иствигской матриархальной красоты, броня патриархального защитника, а потом — до размеров ребенка, чьи всегдашние нужды и такое же всегдашнее смирение перед лицом принимаемых Александрой решений сделали его жалким и безоговорочно управляемым. Он совершенно утратил контакт с ширящейся внутри ее Вселенной, стал на равных с их сыновьями участвовать в деятельности лиги малышей и играть в кегли за команду сантехнической компании. По мере того как Александра заводила себе сначала одного, первого, потом других любовников, ее муж-рогоносец все больше скукоживался и ссыхался, превратившись наконец в куклу, по ночам лежавшую в ее широченной гостеприимной кровати, как раскрашенное бревно, выбранное в придорожной траве, или набитый опилками игрушечный крокодил. К моменту их официального развода ее бывший господин и повелитель превратился просто в прах — «материю не на своем месте», как давным-давно назвала это ее мать, — некую полихромную пудру, которую Александра смела в кучку, ссыпала в банку и хранила теперь в качестве сувенира.

Другие ведьмы тоже прошли в своих браках через сходную трансформацию; бывший муженек Джейн Смут, Сэм, висел в погребке у нее на ран-

чо среди сушеных трав и прочих колдовских ингредиентов. От него иногда отщипывали самую малость — не более щепотки — и добавляли в приворотное зелье для пикантности; а Сьюки Ружмонт упокоила своего в пластике и использовала теперь в качестве настольной салфетки. Это последнее событие произошло не так давно; Александра еще живо представляла Монти на каком-нибудь званом коктейле — хлопчатобумажный пиджак в полоску и петрушечно-зеленые обтягивающие брюки, — громко изрекающим глупости по поводу подробностей дневных партий в гольф и яростно поносящим медлительные женские пары, которые задерживали их весь день и не дали довести игру до конца. Он ненавидел «энергичных» женщин — губернаторов, истеричных демонстранток против войны, тех, кого он именовал «леди-доктор», а также леди Берд Джонсон* и даже Линду Берд и Люси Бейнз**. Всех их Монти считал мужиками в юбках. Витийствуя, он обнажал прекрасные зубы — крупные и очень ровные, не искусственные, а когда раздевался, его ноги оказывались трогательно тонкими, синеватыми и гораздо менее мускулистыми, чем его загорелые руки игрока в гольф. И сморщенные на границе с ягодицами бедра, напоминающие дряхлеющую плоть женщины средних лет. Он был одним из первых любовников Александры. Теперь, ставя чашку черного как смоль кофе Сьюки на блестящую пластиковую салфетку в пиджачную полоску и глядя на остающийся на ней отчетливый кружок, она ощущала странное чувство удовлетворения.

* Леди Птичка — прозвище жены президента Линдона Джонсона. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

** Имеются в виду дочери президента Линдона Джонсона.